

В памяти Гу Пинву первое знакомство с Чи Иланем состоялось в Лутаньшани.

Лутаньшань располагалась в пригороде Хайши. Благодаря живописным пейзажам и цветущим круглый год садам, на склоне горы когда-то выстроили гостевой дом. Со временем это место превратилось в излюбленный курорт для богачей из Хайши.

Гостевой дом, уютно расположившийся на склоне, был идеальным пристанищем для безмятежного отдыха. Старшие братья и сестры Гу Пинву, привыкшие к роскоши и развлечениям, имели там собственные пустующие виллы. Она упросила родных позволить ей уехать, чтобы развеяться, и поселилась там на некоторое время.

Позади гостевого дома простирался огромный пустырь, заброшенный из-за отложенного строительства парковки. Однажды, проходя мимо, она увидела парня на скейтборде. Он внезапно взмыл в воздух, вычерчивая в небе дерзкую дугу, и в этот миг казалось, будто он парит в полете.

Заходящее солнце било в глаза. В контровом свете она не могла разглядеть его лица, но почему-то была уверена, что уголки его губ тронуты свободной и отстраненной улыбкой.

Когда он приземлился, она узнала его.

Она знала его.

А может, все было даже сложнее, чем просто знакомство. Учитывая историю их семей и общение в детстве, их отношения можно было бы назвать дружбой с пеленок. Но после взросления они виделись редко — лишь на редких встречах старших или праздничных банкетах, где в толпе перебрасывались парой дежурных фраз.

— Здравствуй.

— И ты здравствуй.

Только и всего.

Приехав в Лутаньшань, она слышала от третьего брата, что здесь отдыхает и младший из семьи Чи, но не придавала этому значения. Гора слишком велика, чтобы вот так запросто столкнуться нос к носу.

Однако они встретились. И именно на заброшенной парковке.

Воистину, пути неисповедимы.

Гу Пинву погрузилась в раздумья, чувствуя странное смятие. Она стояла под пылающими красными цветами делоникса. Порыв ветра — и на ее глазах закружились осыпающиеся лепестки.

Сквозь этот цветочный дождь Чи Илань вдруг остановился, взял в руки доску и широким шагом направился к ней.

Дыхание Гу Пинву на несколько секунд перехватило. Она не сводила с него глаз: его ресницы, густые и черные, при опущенном взгляде казались тонкими крыльями, пугающе прекрасными.

Когда он подошел совсем близко, она невольно отвела взгляд. Хотела спросить, что случилось, но голос застрял в горле.

Спустя мгновение она почувствовала легкое движение у своих волос и вскинула глаза: он всего лишь хотел убрать лепесток, запутавшийся в ее прическе.

Ее волосы были длинными, заплетенными в косу, спадавшую до пояса. Она задумчиво посмотрела на скейтборд в его руках, когда услышала:

— Ты стоишь здесь слишком долго. На горе сильный ветер.

Это были первые слова, сказанные им спустя столько лет, которые не были лишь вежливым приветствием.

Она машинально посмотрела на свою тень — такую слабую, словно порыв ветра мог легко унести ее прочь.

Когда она подняла голову, Чи Илань уже уходил, оставив ее наедине со своей спиной.

Позже она еще несколько раз встречала его на том же месте.

Каждый раз она держалась поодаль, молча наблюдая за тем, как он катается. Чи Илань, похоже, привык к ее присутствию и не обращал внимания, не здоровался и не заговаривал. Иногда, видя, что она стоит слишком долго, он больше не просил ее уйти, как в первый раз, а просто подхватывал доску и сухо бросал:

— На сегодня хватит, можешь идти.

Через полмесяца, когда документы на восстановление в университете были почти готовы, позвонил Гу Пинцян и поторопил ее — приближалось начало семестра. Она с легкой усталостью принялась собирать вещи.

Перед отъездом она снова заглянула на заброшенную парковку.

Чи Иланя там не было.

Она подумала, что он либо уехал, либо просто не захотел сегодня кататься. Впрочем, теперь это уже не имело к ней никакого отношения.

*

В начале второго семестра первого курса Гу Пинву восстановилась в университете S.

Из-за неприятных событий в предыдущем кампусе Гу Пинцянь перевел ее в другой корпус. Он же и сопровождал ее в первый учебный день. Хотя их дом был в Хайши и необходимость жить в общежитии была лишь формальностью, брат проследил, чтобы все вещи были упакованы, а водители и прислуга помогли донести багаж до комнаты.

Гу Пинву была рада остаться в стороне от хлопот. Привыкшая к заботе, она не видела в этом ничего особенного и потащила брата осматривать новый кампус.

Гу Пинцянь никогда не умел ей отказывать. Стоило ей произнести — третий брат, — как он тут же соглашался на все, и теперь, в строгом костюме, с ее рюкзаком в руках, он нелепо смотрелся посреди студенческого городка.

Гу Пинву семенила следом, с любопытством разглядывая брата.

Новый кампус находился в центре города, вокруг царило оживление. Спустя некоторое время Гу Пинцяню позвонили. Выслушав что-то с серьезным видом, он остановился и протянул ей рюкзак, по-отцовски наставляя:

— У меня дела, мне нужно идти. Погуляй пока сама.

Она молча взяла рюкзак:

— Поняла. Спасибо, третий брат.

— Ого, — Гу Пинцянь неожиданно усмехнулся, глядя на нее так, словно увидел чудо. — Не за что. Наша юная леди А-У целый год просидела взаперти, и лишь когда ей понадобилась моя помощь, соизволила показаться. Это я должен тебя благодарить.

Гу Пинву проигнорировала его подколку:

— У меня тогда было плохое настроение...

Весь прошлый год она никого не принимала. Гу Пинцянь не раз пытался навестить ее, но каждый раз уходил ни с чем. Он злился, но, считая это обычными детскими капризами, не держал зла.

— Ладно, не будь такой обидчивой, как я. Мне пора. Будь осторожна во всем, если что-то случится — звони. Поняла?

Гу Пинву кивнула, провожая взглядом торопливо уходящего брата.

Уезжая, Гу Пинцянь мельком заметил вдалеке высокого широкоплечего парня, который медленно шел по кампусу, засунув руки в карманы. Тот был невероятно хорош собой: глубокий взгляд, прямая спина, словно у молодой сосны.

Лицо показалось ему знакомым, но он не смог вспомнить, где его видел. Лишь выехав за ворота, он нахмурился и пробормотал себе под нос:

— Не младший ли это из семьи Чи? Надо же, угораздило их оказаться в одном кампусе.

Вечером Гу Пинву разбирала вещи, которые собиралась взять с собой в общежитие. Отца, Гу Чандэ, как обычно, не было дома. Мать, Лу Сян, узнав о ее решении жить в кампусе, запротестовала:

— Твой дом в Хайши, университет тоже здесь, водителю ехать всего сорок минут. Зачем тебе это общежитие?

Гу Пинву сослалась на правила университета, но Лу Сян не хотела слушать, желая держать дочь под присмотром.

Ничего не поделаешь, пришлось продолжить сборы. Спустя некоторое время Лу Сян подошла, прислонилась к дверному косяку и, глядя на нее, тяжело вздохнула:

— Ты не у меня на глазах, я не могу успокоиться.

Услышав это, Гу Пинву опустила руки, в которых держала одежду, подняла глаза и тихо ответила:

— Со мной все будет хорошо.

Лу Сян стояла в дверях, ее нахмуренные брови выглядели донельзя трогательно. Мать была

женщиной утонченной, с изящными, как ивовые листья, бровями. Гу Пинву знала, что унаследовала их — и не только их. Ее внешность была даром судьбы: она унаследовала от матери изысканные, безупречные черты лица.

Но в отличие от элегантности Лу Сян, ее собственная мягкость была лишь оболочкой. Под этой тонкой кожей скрывался бунтарский дух, который то и дело давал о себе знать. Она знала, о чем беспокоится мать.

Год назад она по глупости отдала свое сердце не тому человеку, в результате чего стала объектом всеобщих насмешек и едва не лишилась жизни, так и не дождавшись взаимности.

С тех пор все, что было связано с этим человеком и скейтбордингом, стало табу. Лу Сян не позволяла упоминать об этом и уж тем более прикасаться к доске.

— Мама, я не такая хрупкая, — тихо сказала она, не поднимая глаз и глядя на шрам на предплечье — след от той аварии.

Гу Пинву подняла взгляд и очень серьезно посмотрела на мать:

— Я просто... совершила небольшую ошибку. Но ведь каждый может ошибиться.

Лу Сян открыла рот, словно хотела что-то сказать, но промолчала.

— Не волнуйся так обо мне, — проговорила она, поднялась, достала из шкатулки ключ от кладовой и, сделав вид, что это пустяк, вложила его в руку матери, слегка улыбнувшись.

Лу Сян на мгновение замерла. Даже прислуга знала, что в той кладовой хранилась коллекция скейтбордов — самое сокровенное сокровище девушки. А теперь она отдавала ключ.

— Я уже переросла это. Я не боюсь людской молвы и косых взглядов, потому что знаю: я не сделала ничего плохого. Если ты боишься, что скейтборды будут напоминать мне о прошлом, я отдаю тебе свой мир.

Она осторожно обняла мать и прошептала, ластясь:

— Мама, поверь мне хоть раз, хорошо?

Лу Сян сжала ключ в руке, пока тот не согрелся от тепла ее ладони. Спустя мгновение она обняла дочь в ответ и вздохнула.

*

В университете S быстро начались занятия.

Будучи одним из лучших вузов Хайши, факультет экономики и менеджмента придерживался особой традиции: первокурсников распределяли по общим группам, где они слушали одинаковые курсы, а в конце первого года, в зависимости от среднего балла, происходило распределение по специализациям.

Например, студент мог подать документы на международные финансы, но если он плохо учился и его балл был недостаточно высок, его могли перевести на управление туризмом. Именно поэтому атмосфера на факультете всегда была напряженной.

На первой же лекции все собрались заранее. В коридорах было пусто, лишь тихие лучи солнца пробивались сквозь окна.

Гу Пинву проспала и, примчавшись к аудитории, с удивлением увидела, что некоторые студенты еще не вошли. Трое высоких парней стояли у стены, о чем-то болтая.

Она мельком взглянула на них и уже собиралась войти, как вдруг, коснувшись ручки двери, с сомнением обернулась, словно желая в чем-то убедиться.

В утренних лучах парень встретил ее изучающий взгляд невозмутимым спокойствием. Гу Пинву замерла.

Это снова был Чи Илань.

На нем была простая, почти скучная белая рубашка и брюки. Если бы не его статная фигура, такой наряд смотрелся бы совсем обычно, но на нем он выглядел безупречно.

Чи Илань, очевидно, тоже узнал ее, но не проронил ни слова. Лишь мельком взглянул и снова прикрыл глаза, прислонившись к стене.

Зато один из парней рядом с ним рассмеялся:

— Эй, красавица, на что смотришь? Так внимательно, а?

Едва он это произнес, как другой, более спокойный на вид парень, толкнул его в бок:

— Фу Ситан, угомонись, везде ты лезешь.

Фу Ситан не унимался:

— Это потому что наш Чи Илань, шестой из семьи Чи, такой красавчик, неудивительно, что девушки засматриваются...

И только Чи Илань нахмурился, отстранился от стены и выпрямился. Он посмотрел на Гу Пинву и недружелюбно бросил:

— Звонок прозвенел, чего стоишь?

Голос звучал так, будто он отчитывал непослушного ребенка.

Звонок действительно прозвенел. Гу Пинву не успела ответить и, толкнув дверь, подумала о том, что они ведь ровесники, почему же он всегда говорит таким менторским тоном?

Неудивительно, что братья и сестры говорили, будто у него странный характер.

<http://bllate.org/book/21436/2190821>